

ЯЗЫК РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ОБЩИЕ ПРОЦЕССЫ
И РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ

STUDIA PHILOLOGICA

ЯЗЫК
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ОБЩЕЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ

Учен. зап. кн.-б. ин-та лингв.
и этнографии им. проф.
В. Я. Виноградова

WISSEN SCHAFFEN KULTUR
WIENER SLAWISTISCHER ANWANDT
Sonderdruck 33

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

ЯЗЫК РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

ОБЩИЕ ПРОЦЕССЫ И РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Е. А. Земская

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH
Sonderband 53

Москва — Вена
2001

ББК 81.2Рус
Я 41

Исследование выполнено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 97-04-60202

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 01-04-16063

Рецензенты:

канд. филол. наук Н. А. Николина
канд. филол. наук М. А. Осипова

Я 41 Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты: Коллективная монография / Отв. ред. Е. А. Земская. – М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. – 496 с., ил. – (Studia philologica).

ISBN 5-7859-0175-7

Монография состоит из двух частей.

Часть первая «Общие процессы и индивидуальные речевые портреты» (автор Е. А. Земская) основана на сделанных автором в 90-е годы магнитофонных и ручных записях речи русских эмигрантов разных волн, живущих в Италии, Франции, Германии, Финляндии и США. Дополнительно привлекались данные письменной речи – материалы семейных архивов (воспоминания, переписка, дневники). Автор предпринял комплексный путь исследования, поставив перед собой задачу в многообразии фактов обнаружить общие закономерности, найти корреляции между историческими, социальными, культурными, индивидуальными особенностями и степенью сохранности / разрушения русского языка. Часть I включает Приложение «Речевой портрет семьи», написанный М. А. Бобрин.

Во второй части монографии «Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции» (автор М. Я. Гловинская) исследуется язык первых поколений (людей, покинувших Россию взрослыми) всех четырех волн эмиграции. Материалом главным образом служили письменные источники. Дается типология ошибок эмигрантов и устанавливаются языковые факторы, способствующие их появлению. Анализ грамматических ошибок производится на фоне языковых процессов, протекающих в русском языке в последнем столетии.

Книга представляет интерес для социолингвистики, для теоретического языкознания, так как она дает возможность ответить на вопрос, какие участки системы языка в первую очередь поддаются воздействию чужих языков и по каким причинам, а какие являются наиболее устойчивыми, а также для историков русской культуры и быта, для всех, кто интересуется языком и жизнью русских людей за рубежом.

ББК 81.2Рус

В оформлении обложки использована картина R. Dufy
«Vieilles maisons sur le bassin à Honfleur» (1906)

Исключительное право на распространение этого издания за рубежом имеет только фирма Kubon & Sagner (Heßstraße 39/41 Postfach 34 01 08 D-8000 München 34; fax: (089) 54-218-0; tel: (089) 54-218-218)

ISBN 5-7859-0175-7

9 785785 901759 >

© Авторы, 2001

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Введение (Е. А. Земская)	19
<i>Часть первая</i>	
Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты (Е. А. Земская)	
От автора	25
Глава I. Введение	27
Возможные направления исследования	27
Материал исследования	29
Характер записей	30
Сведения об информантах	31
Уточнение некоторых понятий	33
Глава II. Волны эмиграции	35
Первая волна	36
Вторая волна	38
Третья волна	41
Четвертая волна	43
Глава III. Два полюса	50
Первый полюс	50
Второй полюс	63
Глава IV. Типические особенности речи эмигрантов первой волны и их потомков	71
Вводные замечания	71
Фонетика	75
Черты разговорности	77
Черты архаичности	77
Иноязычное влияние	78
Интонация	79
Консонантизм	79

Сандхи	82
Вокализм	82
Произношение иноязычных слов	83
Грамматика	84
Морфология	85
Существительное	85
Прилагательное	92
Глагол	93
Предлог	94
Синтаксис	96
Кальки	96
Пассивные конструкции	100
Черты разговорности	102
Выводы	103
Лексика	110
Вводные замечания	110
Устарелая лексика	111
О языковой рефлексии эмигрантов первой волны	115
Иноязычные слова и выражения	119
Кальки	121
Наименования родственных отношений	122
Типические неправильности	123
Черты разговорности	124
Черты просторечия	126
Словообразование	128
Отрицательный языковой материал	130
Языковая игра	131
Слова-гибриды	134
Особенности речевого поведения	135
О роли индивидуальных свойств человека и его личной истории в сохранении русского языка	140
«Что было бы, если бы...»	145
Выводы	148
Глава V. Об угасании письменной формы русского языка в среде эмиграции	152
Приложение № 1	166
Приложение № 2	173
Приложение № 3	180
Глава VI. Функции английской лексики в речи эмигрантов разных волн, живущих в США	184
Выводы	197

Глава VII. Речь эмигрантов как свидетельство роста аналитизма	
в русском языке	200
Выводы	207
Глава VIII. Факторы, способствующие сохранению русского языка	209
Глава IX. Тексты	222
Вступительные замечания	222
Из рассказа дизайнера	223
Глава X. Речевые портреты	229
Лена Бузина	229
Отклонения от норм русского языка	230
Фонетика и интонация	230
Лексика	230
Грамматика	233
Черты разговорности	235
Фонетика	235
Синтаксис	235
Лексика	236
Построение текста	237
Мать и дочь	238
Аленька Оболенская	241
Фонетика	242
Консонантизм	242
Вокализм	244
Сандхи	244
Морфология	244
Существительное	245
Прилагательное	246
Числительное	247
Глагол	247
Предлог	248
Синтаксис	248
Лексика	249
Русская лексика	249
Иноязычная лексика	250
Кальки	250
Типические неправильности	253
Неправильное использование словообразовательных средств	253
Черты разговорности и элементы просторечия	254
Фонетика	254
Лексика	254

Синтаксис	254
Элементы просторечия	255
Выводы	255
<i>Заключение</i>	257
Список использованных сокращений	269
Список фотографий	270
Литература	271
<i>Приложение. Очерк языка семьи (автор — М. А. Бобрик)</i>	278
1. Няня Фима	287
2. Игорь Алексеевич	294
3. Наталья Владимировна	299
4. Ваня	304
5. Алёша	309
6. Мура	317
7. Вова	323
8. Николай Алексеевич	323
Литература	338

Часть вторая

Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции (М. Я. Гловинская)

<i>Глава I. Вводные замечания</i>	341
Цель и предмет исследования	341
Отличия языка первого поколения эмиграции от языка их потомков	341
Принципы отбора авторов и информантов	345
Материал исследования	346
Статус письменных и устных ошибок	347
<i>Глава II. Явления, общие для языка эмиграции и метрополии</i>	349
Из фонетических наблюдений: «вокализованные» предлоги	349
Существительное: ослабление формального противопоставления падежей	351
Морфологические явления	351
Флексии существительных	352
Путаница флексий родительного и предложного падежей	353

Синтаксические явления	357
Конкуренция родительного и винительного падежей	357
Именительный вместо родительного в счетных конструкциях	361
Родительный падеж вместо дательного	362
Дательный падеж вместо творительного	362
Дательный падеж вместо винительного	363
Пуганица именительного и косвенных падежей в предикативной, копредикативной и близких к ней валентных конструкциях	363
Предложное управление вместо беспредложного	364
Беспредложное управление вместо предложного	366
Зависимый инфинитив вместо косвенного падежа	368
Глагол: видо-временная система	369
Функционирование видо-временных форм в русском языке	369
Вводные замечания	369
Выражение кратности формами совершенного вида (Форма СОВ ПРОШ.— Форма СОВ БУД.— Аналитические тенденции в выражении идеи кратности)	370
Выражение длительности формами совершенного вида (Длительная конструкция.— Конструкции, близкие к длительной)	383
Вид в контексте отрицания и модальных слов и смыслов	388
Заключительные замечания	390
Разрозненные ошибки в употреблении видо-временных форм	391
Синтаксис: семантически не мотивированные правила	395
Абсолютные обороты. Рассогласование по кореферентности	395
Выбор притяжательного местоимения	398
Лексика: утрата терминов дальнего родства	400
Глава III. Специфические явления в языке эмиграции	401
Морфология: число существительных	401
Синтаксис	403
Синтаксис словосочетаний	403
Комитативные конструкции	403
Сравнительные конструкции (Устаревшее употребление суперлатива.— Выражение идеи тождества вместо идеи подобия.— Выражение идеи подобия (сравнения) вместо идеи тождества.— Семантическое противоречие между словами со значением степени.— Нарушение синтаксической однотипности компаратов.— Опускание катафорического местоимения <i>так</i> или <i>в такой мере</i> .— Неправильный выбор сравнительного союза)	405
Сочинительные конструкции (Нарушение синтаксического параллелизма при сочинении.— Неправильное применение со-	

чинительного сокращения при совмещении сочинительной и сравнительной конструкций)	408
Отрицательные конструкции	409
Временные конструкции	412
Пассивная конструкция	414
Посессивные конструкции	416
Полные и краткие прилагательные в роли предикатива	417
Управление (Придание слову управляющих свойств, которых оно не имеет.— Контаминация управления близких по смыслу слов.— Перенос глагольного управления на имя субъекта действия.— Некорректное управление в случае анафоры.— Управление как результат влияния языка окружения)	419
Синтаксис простого предложения	422
Порядок слов	422
Препозиция дополнения	422
Постпозиция определения	423
Некорректная препозиция атрибутивной группы	423
Некорректное размещение валентного зависимого	423
Неправильное размещение препозитивной частицы	424
Нарушение правила проективности синтаксических структур	424
Необычный порядок слов в группе сказуемого	424
Коммуникативная организация высказывания	424
Некорректный вынос в рему нерематического элемента	425
Некорректный вынос в тему нетематической именной группы	425
Две ремы в одном высказывании	426
Опущения и повторы	426
Опущение подлежащего	426
Запрещенный повтор подлежащего	429
Опущение дополнения	430
Опущение управляющего слова	431
Опущение эксплетивного местоимения <i>то</i>	432
Опущение связки	432
Лексика	432
Альтернативные номинации покинутой страны и ее реалий	433
Заемствования из языка окружения	437
Лексические кальки	446
Лексические функции (Magn.— Oper ₁ .— Func ₀ .— Caus.— Real ₁)	446
Сочетаемость отдельных слов	452
Буквальный перевод чужого слова или выражения	454
Семантические кальки	454
Антикалька	455

Ложные друзья (faux amis)	455
Неправильный выбор синонима или семантически близкого слова	455
Смешение слов с близким звучанием (и иногда с частичным совпадением по смыслу)	458
Мелочи (достать, подъехать в, надевать—одевать, где-то)	459
Союзы, частицы, предлоги	461
Союзы	461
Частицы	468
Предлоги	470
Заключительные замечания. Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии	475
Ошибки на развивающихся участках языка	475
Ошибки на «идиоматичных» участках языка	480
Ошибки на универсально слабых участках языка	481
Литература	484
Список авторов (помимо охарактеризованных в тексте)	491
Резюме (на английском языке)	493

Contents

Introduction (E. A. Zemskaja)	19
---	----

Part I

General linguistic processes and individual speech portraits

(E. A. Zemskaja)

From the author	25
Chapter I. Introduction	27
Possible directions of the research	27
The material of the research	29
Types of recordings	30
The informants	31
The detalisation of some notions	33
Chapter II. Emigration waves	35
The first wave	36
The second wave	38
The third wave	41
The fourth wave	43
Chapter III. Two poles	50
The first pole	50
The second pole	63
Chapter IV. The peculiarities characteristic of the first wave emigrants' and their descendants' speech	71
Introductory remarks	71
Phonetics	75
Colloquialisms	77
Archaic features	77
Foreign influence	78
Intonation	79
Consonant system	79

Sandhi	82
Vowel system	82
The pronunciation of foreign words	83
Grammar	84
Morphology	85
The noun	85
The adjective	92
The verb	93
The preposition	94
Syntax	96
Syntactic calques	96
Passive constructions	100
Colloquialisms	102
Conclusions	103
Lexicon	110
Introductory remarks	110
Outdated words	111
First-wave emigrants' ideas about their own speech	115
Foreign words and expressions	119
Translation loanwords	121
Kinship terms	122
Typical mistakes	123
Colloquialisms	124
Substandard features	126
Word formation	128
Negative linguistic material	130
Language games	131
Hybrids	134
The peculiarities of linguistic behaviour	135
Some considerations about the role of personal characteristics and personal history in the Russian language preservation	140
«What could have happened if...»	145
Conclusions	148
<i>Chapter V. The fading out of the Russian language written form in the emigrant society</i>	152
<i>Appendix 1</i>	166
<i>Appendix 2</i>	173
<i>Appendix 3</i>	180
<i>Chapter VI. Functions of English words in the speech of emigrants of various waves living in the USA</i>	184
Conclusions	197

<i>Chapter VII. The emigrant speech as the evidence of the growth of analyticity in the Russian language</i>	200
<i>Conclusions</i>	207
<i>Chapter VIII. Factors contributing to the Russian language preservation</i>	209
<i>Chapter IX. Texts</i>	222
Introductory remarks	222
From the designer's story	223
<i>Глава X. Speech portraits</i>	229
Lena Buzina	229
Deviations from the Russian language norm	230
Phonetics and intonation	230
Lexicon	230
Grammar	233
Colloquialisms	235
Phonetics	235
Syntax	235
Lexicon	236
Text structuring	237
Mother and daughter	238
Alen'ka Obolenskaia	241
Phonetics	242
Consonant system	242
Vowel system	244
Sandhi	244
Morphology	244
The noun	245
The adjective	246
The numeral	247
The verb	247
The preposition	248
Syntax	248
Lexicon	249
Russian lexicon	249
Foreign lexicon	250
Translation loanwords	250
Typical mistakes	253
Incorrect use of word-formation means	253
Colloquialisms and substandard features	254
Phonetics	254
Lexicon	254

Syntax	254
Substandard elements	255
Conclusions	255
<i>Summing up</i>	257
List of abbreviations	269
List of photos	270
References	271
<i>Appendix. A sketch of speech of one family (M. A. Bobrik)</i>	278
1. Fima (a nanny)	287
2. Igor Alekseevich	294
3. Nataliia Vladimirovna	299
4. Vania	304
5. Alesha	309
6. Mura	317
7. Vova	323
8. Nikolai Alekseevich	323
References	338

Part 2

General and specific processes in the language of the mother country and emigration (M. Ia. Glovinskaia)

<i>Chapter I. Introductory remarks</i>	341
The goal and the subject matter of the research	341
The differences between the language of the first wave emigrants and the language of their descendants	341
Principles of author and informant selection	345
The material of the research	346
The rank of written and oral mistakes	347
<i>Chapter II. Phenomena common both for the mother country and the emigrant language</i>	349
Some phonetic observations: «vocalized» prepositions	349
The noun: the weakening of the formal expression of case opposition	351
The morphological phenomena	351
The syntactic phenomena	357

The verb: the tense-aspect system	369
The functioning of tense and aspectual forms in Russian	369
Introductory remarks	369
The expression of iterativity by the forms of the Imperfective aspect	370
The expression of continuity by the forms of the Perfective aspect	383
Aspect in the context of negation and of modal words and senses	388
Concluding remarks	390
Non-systematic mistakes in the use of tense-aspect forms	391
Syntax: semantically non-motivated rules	395
Absolute constructions	395
The choice of the possessive pronoun	398
Lexicon: The loss of distant kinship terms	400
<i>Chapter III. Specific phenomena in the emigrant language</i>	401
Morphology: Noun number	401
Syntax	403
The syntax of word combinations	403
Commitative constructions	403
Comparative constructions	405
Compositional constructions	408
Negative constructions	409
Temporal constructions	412
Passive constructions	414
Possessive constructions	416
Full- and short-form adjectives as predicatives	417
Government	419
The simple sentence syntax	422
Word order	422
Object preposition	422
Attribute postposition	423
Non-correct attribute phrase preposition	423
Non-correct placing of a dependent argument	423
Incorrect placing of a prepositive particle	424
The violation of the syntactic structure projectivity rule	424
The violation of the syntactic structure projectivity rule	424
The communicative text organization	424
The incorrect shift of non-rhematic element to the rheme	425
The incorrect shift of non-thematic nominal element to the theme	425
Two rhemes in one utterance	426
Deletions and repetitions	426
Subject deletion	426
Non-licensed subject repetition	429

Object deletion	430
Governing word deletion	431
The expletive pronoun <i>to</i> 'that' deletion	432
The copula deletion	432
Lexicon	432
Alternative nominations of the mother country and culture-related phenomena and things	433
Borrowings from the language of the surrounding	437
Translation loanwords	446
Lexical functions	446
Individual word combinability	452
Semantic calques	454
Anticalques	455
Faux amis	455
Incorrect choice of a synonym or of a semantically close word	455
The confusion of similarly sounding (and sometimes semantically close) words	458
Trifles (<i>dostat</i> 'to acquire with difficulty', <i>pod"ekhat</i> 'to arrive', <i>nadevat</i> - <i>odevat</i> 'to put on', <i>gde- to</i> 'somewhere')	459
Conjunctions, particles, prepositions	461
Conjunctions	461
Particles	468
Prepositions	470
<i>Concluding remarks. The emigrant language as the indicator</i> of the universally non-stable areas of the mother country language	475
Mistakes located in the developing areas of the language	475
Mistakes located in the idiomatic areas of the language	480
Mistakes located in the universally weak areas of the language	481
References	484
List of sources	491
Summary	493

Введение

В этой книге изучение языка русского зарубежья осуществляется в рамках Московской школы функциональной социолингвистики (см. Земская, Крысин 1998). Авторы продолжают традиции изучения русского языка, заложенные в Отделе современного русского языка Института русского языка РАН в 60-е годы при М. В. Панове и продолжающиеся в настоящее время. Иными словами: авторы изучают русский литературный язык в его живом, естественном функционировании, как в устной, так и в письменной формах. Наш подход к отбору информантов и способу собирания материала отличается от того, который распространен при изучении языка диаспоры. Обычно материал собирают способом анкетирования или прямого задавания вопросов об употребительности или значении тех или иных элементов языка, а в качестве информантов используют различных лиц, независимо от того, где они жили до отъезда и каков был их язык. Вследствие этого в число информантов попадают жители не только России, но и Казахстана, Украины, Белоруссии, Узбекистана и других республик СССР и СНГ (см., например, работы Г. Гусейнова, М. Полинской), а объектом наблюдения являются — без необходимого разграничения — носители и литературного языка, и просторечия, и диалектов.

Желая установить, как живет русский литературный язык вне России, мы строго подходили к отбору информантов — изучали речь носителей литературного языка, выходцев из России или российской части СССР.

Монография состоит из двух частей и Приложения.

Часть первая (автор Е. А. Земская) озаглавлена «Общие процессы и индивидуальные речевые портреты». Она основана на сделанных автором в 90-е годы магнитофонных и ручных записях устной речи русских эмигрантов разных волн, живущих в пяти странах (Италия, Франция, Германия, Финляндия и США). Дополнительно привлекались данные письменной речи — эмигрантская пресса, письма, запис-

ки, объявления в магазинах, а также материалы семейных архивов (воспоминания, переписка, дневники). Автор избрал комплексный путь исследования, поставив перед собой задачу в многообразии фактов обнаружить общие закономерности, характеризующие особенности языка русской диаспоры. Найти корреляции между историческими, социальными, культурными, индивидуальными особенностями и степенью сохранности/разрушения русского языка, выявить факторы, способствующие сохранению русского языка — цель этой части книги.

Для того, чтобы глубже проникнуть в условия функционирования языка, понять, как именно живет родной язык в условиях иноязычного окружения (дву- или многоязычия), произведено детальное изучение отдельных языковых личностей, т. е. создание речевых портретов. В первой части книги с разной степенью полноты представлены речевые портреты 25 человек. Среди них есть и «парные портреты»: мать и дочь, муж и жена, брат и сестра, мать и дети. Сопоставление позволяет более наглядно представить, как именно условия жизни и индивидуальные особенности влияют на речь и речевое поведение человека. Речевые портреты имеют не только лингвистический, но и историко-культурный интерес.

В первой части книги изучается речь эмигрантов разных поколений всех волн, но преимущественное внимание обращается на речь эмигрантов первой волны разных поколений (родители — дети — внуки — правнуки). Исследуются особенности лексики, грамматики, словообразования, фонетики. Особое внимание к речи эмигрантов первой волны объясняется рядом причин. Речь эмигрантов именно первой волны показывает жизнь русского языка вне России на протяжении почти века. Речь этих людей, с одной стороны, сохраняет особенности старого языка, а с другой — содержит те изменения, которые характеризуют длительное функционирование русского языка в иноязычном окружении.

Таким образом, эти материалы позволяют ответить на вопрос, какие части системы русского языка обладают наибольшей устойчивостью, а какие быстрее всего подвергаются чужезычному влиянию.¹¹

Часть вторая (автор — М. Я. Гловинская) озаглавлена «Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции». Автор рассматривает особенности языка первого поколения всех четырех волн эмиграции, т. е. лиц, покинувших Россию взрослыми, с полностью сформированным языком. В качестве материала служат письмен-

ные источники — опубликованные и неопубликованные мемуары, художественная литература, эмигрантская пресса, частная переписка. Отчасти привлекаются и записи устной речи. Основное внимание направлено на рассмотрение особенностей языка эмигрантов на фоне процессов, протекающих в языке метрополии, устанавливается общее и различное в изменениях языка метрополии и эмиграции. Для сравнения автор использует данные собственных исследований (см. Гловинская 1996, 1997). Автор предлагает типологию ошибок эмигрантов и устанавливает языковые факторы, способствующие их появлению. Описываются некоторые словообразовательные, словоизменительные и видовые особенности, синтаксическое своеобразие (организация предложения, отдельные синтаксические конструкции, использование служебных слов), а также лексические особенности каждой волны. Рассматривается общее и различное в языке эмигрантов разных волн.

Подчеркну, что материалы 1-й части монографии, отражающие устную неподготовленную речь эмигрантов, сопоставимы с разговорным литературным языком жителей метрополии, тогда как материалы 2-й части монографии, основанные на письменных источниках, сопоставимы с кодифицированным литературным языком России.

Приложение (автор — М. А. Бобрик) дает интересные в лингвистическом и культурно-историческом отношении сведения о своеобразии русского языка конкретной семьи эмигрантов, живущей в Берлине, на фоне современной нормы. Это исследование отражает речь нескольких поколений одной семьи. Оно включает уникальные материалы: магнитофонные записи, сделанные главой семьи в конце 50-х — начале 60-х годов, два письма конца 90-х годов XX века одного из членов семьи, живущего в Австралии, которые содержат ценные данные историко-культурного и метаязыкового характера.

Монография представляет интерес для социолингвистики, для теоретического языкознания, так как она дает возможность ответить на вопрос, какие участки системы языка в первую очередь поддаются воздействию чужих языков и по каким причинам, а какие являются наиболее устойчивыми, а также для историков русского языка, русской культуры и быта, для всех, кто интересуется языком и жизнью русских людей за рубежом.

Основная работа над монографией была закончена в декабре 1999 г. После этого в книгу были внесены лишь отдельные дополнения и уточнения.

Часть первая

ОБЩИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ

От автора

Работа над этой частью книги длилась несколько лет. Исследование устной речи эмигрантов разных волн и поколений, живущих в пяти странах, а также изучение материалов нескольких семейных архивов требовало большой подготовительной работы, в которой автору на разных этапах оказали неоценимую помощь разные люди. Автор считает своим приятным долгом выразить всем им благодарность.

Благодарю всех тех лиц, которые беседовали со мной (со многими мы вели неоднократные долгие разговоры) и речь которых послужила материалом для этой книги. Многие из этих лиц стали моими друзьями.

Благодарю всех тех, кто помогал мне в работе над этой книгой:

Проф. Наталию Башмакофф (Хельсинки)—за предоставление мне сделанных ею в Финляндии магнитофонных записей, материалов архива семьи Башмаковых и за совместное обсуждение ряда вопросов.

Проф. Ольгу Йокояма (Olga Yokoyama, Лос-Анджелес)—за предоставление мне ряда сделанных ею магнитофонных записей и разрешение ознакомиться со сделанными ею в 1998 г. в Харбине магнитофонными записями, за предоставление мне возможности изучить материалы ее семейного архива, а также за советы и замечания, высказанные ею во время наших длительных бесед и споров зимой и осенью 1998—99 гг.

Др. Маттиаса Раммельмейера (Matthias Rammelmeyer, Бонн)—за помощь в прослушивании и проведении ряда магнитофонных записей, обсуждение многих вопросов и любезное предоставление возможности изучить материалы архива семьи Раммельмейеров.

Др. Марину Бобрик (Берлин)—за сотрудничество в работе над этой книгой, помощь в проведении записей речи эмигрантов в Берлине осенью 1997 г. и за совместное обсуждение ряда вопросов.

Моих итальянских коллег и друзей проф. Claudia Lasorsa Siedina и проф. Rita Giuliani—за их большую помощь, благодаря которой я получила возможность работать в Риме в 1997 г. и в 1998 г.

Проф. Валентину Пичугину (Valentina Pichugin, Флоридский ун-т) — за проведение по моей программе ряда магнитофонных записей в г. Таллахасси (США).

Ирину Гривнину — за проведение по моей программе ряда магнитофонных записей в Амстердаме, разрешение записать ее речь и интересные беседы.

Маргариту Романовну Гизетти (M. Gisetti) — за большую помощь при сборе материалов среди прихожан Собора Пресвятой Богородицы «Взыскание погибших» (Лос-Анджелес, январь-апрель 1999 г.), а также за обсуждение многих вопросов, интересные беседы и воспоминания.

Михаила М. Гринберга — за техническую помощь в проведении магнитофонных записей речи эмигрантов (Рим, 1997 г.), а также за помощь в прослушивании магнитофонных записей и советы.

Благодарю моих коллег М. Я. Гловинскую, Е. И. Голанову, В. Д. Девкина, О. П. Ермакову, А. В. Занадворову, Л. А. Капанадзе, Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткину, М. В. Китайгородскую, Л. П. Крысина, С. М. Кузьмину, Вернера Лефельдта (Werner Lehfeldt), М. А. Осипову, М. В. Панова, Н. Н. Розанову, Р. И. Розину, Лору Трубецкую (Laure Troubetzkoу), Татьяну Шамрай и Татьяну Яруллину. Беседы с ними в разное время помогли мне в работе над книгой.

Благодарю тех, кто помог мне на конечном этапе работы, осуществив компьютерный набор отдельных глав книги: А. В. Занадворову и Н. В. Князеву.

Благодарю С. А. Коротаева, первого читателя этой книги — за сделанные им замечания и частичный компьютерный набор текста.

19 января 2000 г.

Е. Земская

ВВЕДЕНИЕ

Русское зарубежье все больше привлекает к себе пристальное внимание ученых разных специальностей — историков, социологов, культурологов, психологов и, конечно, лингвистов. Это вполне понятно. XX век породил обширные колонии русских в разных странах Европы, Азии, Америки, Австралии и даже Африки.

Русская диаспора обширна и многолика, неоднородна во многих отношениях. Люди, уехавшие из России, как правило, сохраняют с Россией и ее жителями какие-либо связи — родственные и дружеские, профессиональные, экономические, культурные. Их культура имеет родство с российской культурой и в то же время обладает чертами своеобразием.

Русское зарубежье крайне неоднородно по своему отношению к России и вообще всему русскому, неоднородно оно и по степени сохранности русского языка. Наши наблюдения за языком эмигрантов, живущих в разных странах, уехавших из России в разное время и по разным причинам, показывают, сколь велика эта неоднородность. Я стремилась, изучая речь отдельных лиц, рассматривая многообразие индивидуальностей, выявить какие-то общие закономерности, установить факторы, способствующие/препятствующие сохранению русского языка. Я отдаю себе отчет в том, что решение этой задачи требует анализа огромного материала и значительного времени. Надеюсь, что в этой книге сделано несколько шагов по этой длинной дороге.

Возможные направления исследования

Изучение речи эмигрантов может строиться по разным направлениям, например таким:

1. Выявление общих особенностей языка у совокупности лиц, объединенных по каким-либо существенным признакам, например: а) живущих в одной стране, б) составляющих одну волну эмиграции, в) имеющих одинаковый уровень образования, г) относящихся к одной и той

же профессии, д) покинувших родину по одной и той же причине... Перечисление общих признаков может быть продолжено. Очевидно, что при таком подходе мы получим сведения, устанавливающие определенные корреляции между избранным признаком и особенностями языка, т. е., например, мы можем узнать, какие изменения в речи эмигрантов вызывает пребывание в разных странах, и, соответственно, влияние немецкого, английского, французского и др. языков. По такому принципу построена, например, книга (Język polski 1997).

2. Монографическое описание речи отдельных лиц, характеризующее пристальным вниманием к ее особенностям на всех уровнях языка, к специфике речевого поведения, учитывающее личные и профессиональные свойства, особенности биографии, условия освоения русского языка и т. п. В результате такого изучения мы получаем речевой портрет определенного человека, отражающий как его **общие черты**, присущие ему как представителю разных множеств и подмножеств эмигрантов, распределенных по тем или иным признакам, так и его **индивидуальные черты**, присущие ему как личности. Образцом для нас служат речевые портреты, созданные М. В. Пановым (Панов 1990). Изучение речевых портретов отдельных лиц все более распространяется в науке. См., например: Ерофеева 1990; Земская 1990; Крысин 1994; Китайгородская, Розанова 1995.

3. Изучение судьбы отдельных особенностей русского языка в речи эмигрантов разных волн, разных возрастов, живущих в разных странах, например: а) редукция тех или иных безударных гласных в первом безударном слоге, б) судьба творительного падежа существительных и т. п.

Все три направления исследования имеют право на существование и представляют собой определенный научный интерес. При первом подходе выявляются общие особенности речи эмигрантов; при втором — изучается конкретная реализация разных признаков в речи одного лица, возможности их сосуществования, взаимовлияния; при третьем — рассматривается история отдельных особенностей русского языка, влияние на них сложной совокупности социолингвистических факторов, что показывает различные возможности исторического развития русского языка.

В этой книге избрано комплексное направление исследования. Была поставлена задача: в многообразии фактов обнаружить общие закономерности, характеризующие особенности языка русской диаспоры,

найти корреляции между историческими, социальными, культурными, индивидуальными особенностями и степенью сохранности/разрушения русского языка. Это исследование имеет интерес не только для социолингвистики, но и для теоретического языкознания, так как оно дает возможность ответить на вопрос: какие участки системы языка в первую очередь поддаются воздействию чужих языков и по каким причинам, а какие являются наиболее устойчивыми.

Для того, чтобы глубже проникнуть в условия функционирования языка, понять, как именно живет родной язык в условиях иноязычного окружения (дву- или многоязычия), необходимо было детальное изучение отдельных языковых личностей, т. е. создание речевых портретов. Вот почему эта часть книги имеет название «Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты».

Материал исследования

Я изучала речь русских эмигрантов разных волн и разных поколений, живущих в пяти странах: Италия (Рим), Германия (Берлин, Франкфурт-на-Майне, Бонн), США (Лос-Анджелес, Кембридж (Гарвардский университет), Нью-Йорк), Франция (Париж), Финляндия (Хельсинки).

Основной материал исследования составляют сделанные мной в 80—90-е годы XX в. магнитофонные и ручные записи естественной неподготовленной устной речи — разговоры на разные темы (беседы о жизни, рассказы об истории семьи, воспоминания о переселении из России, впечатления о жизни в новой стране, бытовые диалоги во время прогулок, поездок, обедов и т. п.). Отдельные магнитофонные записи были сделаны по моей просьбе и по моему плану коллегами и друзьями. Всем им я приношу большую благодарность (их имена названы выше). При цитировании их записей, целиком или в виде больших фрагментов, это указывается в тексте.

Дополнительный материал — данные письменности: частная переписка, бытовые записки, объявления в магазинах, на улицах и т. д., реклама, эмигрантские газеты.

Особый и чрезвычайно ценный материал представляли собой семейные архивы, которые мне было разрешено исследовать и использовать. Это архивы трех известных славистов, живущих в разных странах и имеющих русские корни:

Проф. Natalja Baschmakoff (Хельсинки) — магнитофонные записи речи членов семьи разных поколений, письма.

Проф. Olga Yokoyama (Лос-Анджелес) — магнитофонные записи речи членов семьи и знакомых, дневники тети, воспоминания, письма.

Проф. Matthias Rammelmeyer (Бонн) — воспоминания сестры отца Эльзы Винокуров, письма матери отца и другие материалы.

Неоднократные беседы с тремя названными лицами, их воспоминания и рассказы имели для моей работы неоценимое значение.

Характер записей

Записывались непринужденные разговоры, беседы на разные темы в естественной неофициальной обстановке. Речь такого рода сопоставима с той формацией, которую в русском языкознании называют термином «литературный разговорный язык». Именно поэтому, стремясь выявить отличия зарубежного русского от российского русского, я сравнивала свои данные не с данными кодифицированного литературного языка (КЛЯ), а с данными разговорного литературного языка (РЯ).

Мои разговоры с информантами никогда не имели характера интервью. В отношениях с собеседниками не было натянутости, официальности. Они видели во мне человека, интересующегося их жизнью, настроенного благожелательно. Мы часто смеялись и даже хохотали. Иными словами, наши беседы имели дружеский, откровенный характер.

Записи велись в самых разных ситуациях: в автомашине во время совместных поездок, в церковном дворике, дома — у них или у меня, в кафе, ресторане или столовой церкви. Обстоятельства несомненно ухудшали техническую сторону записи (звяканье чашек и тарелок, гудение встречных автомобилей, свистки полицейских, грохот мотоциклов и многое-многое другое) и затрудняли ее расшифровку, но ни в коей мере не нарушали непринужденность ситуации. Обстоятельства записи способствовали естественности речи собеседников.

Я вполне допускаю, что мои информанты с родными и близкими друзьями говорили бы несколько иначе, чем со мной, но и разговоры со мной шли в непринужденной манере, о чем свидетельствует характер речи, наличие в речи моих информантов особенностей, присущих современному разговорному языку России (см. PPP-73, PPP-81, PPP-84).

Этот факт имеет принципиальное значение, ибо в ряде работ явления, отмечаемые в записях речи эмигрантов и не свойственные КЛЯ, характеризуются как типично эмигрантские, свидетельствующие о разрушении русского языка за рубежом (Emigré Russian или даже American Russian, см. Polinsky, в печати), тогда как они типичны для русского разговорного языка (РЯ), т. е. репрезентируют различия между разговорным русским языком и книжным русским языком, а не отличие русского языка от эмигрантского. Назову для примера некоторые факты из тех, которые М. Полински рассматривает как свидетельство разрушения русского языка в эмиграции и которые характерны для русского РЯ. Экспрессивные повторы, использующиеся для усиления (типа: *Такой дом — это дорого-дорого*, в знач. 'очень дорого'), паузы обдумывания или колебания (хезитации), использование предикативного прилагательного в им. падеже (а не в творительном): *Мама уехала злая* (Polinsky, в печати, 38). Последняя фраза вполне обычна, нормативна для русского РЯ. Вряд ли кто-нибудь скажет в разговорной речи *Мама уехала злой*.

Добавлю, что в интересном и богатом материалом исследование М. Полински некоторые лексические явления следует рассматривать не как явления русского языка, разрушенного эмиграцией, а как явления **нелитературного** русского языка — областные или просторечные.

Приведу лишь один пример этого рода: *Там мы блудили* (в значении заблудились). Так нередко говорят в современном городском просторечии, в том числе московском. Сл. Уш. помещает это значение глагола *блудить* как второе и снабжает его пометой обл.: **блудить**: «2. Блуждать (обл.) Долго *блудили* по лесу, пока вышли на опушку». Даль дает: «*блуждать* и *блудить*, колобродить, скитаться, шатать; || бродить или ездить, сбиваться с дороги и не опознаваясь в местности, сбиться с пути, блукать, плутать, путать» (т. I, 244).

Сведения об информантах

Я стремилась о каждом человеке, речь которого я намеревалась изучать, получить сведения, необходимые для того, чтобы как можно полнее и глубже уяснить его «языковую историю», языковую компетенцию и жизненные обстоятельства, могущие влиять на его речь, на его отношение к СССР, России, русскому языку и всему русскому. Я

стремилась с каждым человеком встречаться и разговаривать не один раз. Многие из моих информантов стали моими друзьями.

Мною была разработана анкета, преследующая указанную цель. Я ее никогда не использовала как анкету и даже не знакомила с ней информантов. Мне она была нужна для того, чтобы помочь мне систематизировать и сопоставлять сведения, полученные от разных людей, а лицам, производившим записи для моей работы, я давала ее, чтобы они знали, какого рода сведения меня интересуют.

АНКЕТА

1. Имя, фамилия (желательно, но не обязательно).
 2. Год рождения/возраст.
 3. Место рождения.
 4. Какой язык считаете **основным** в настоящее время?
 5. На каком языке думаете?
 6. На каком языке считаете?
 7. Какой язык был первым — начали говорить с детства?
 8. Родной язык родителей: 1. Мать; 2. Отец.
 9. Профессия/род занятий родителей: 1. Мать; 2. Отец.
 10. Время отъезда из России (год).
 11. Место жительства в наст. время.
 12. Промежуточные страны (если не сразу приехал в данную страну).
 13. Образование, где оно получено, на каком языке.
 14. Профессия/род занятий: 1. До отъезда; 2. В наст. время
 15. Состав семьи в наст. время; на каком языке говорят: 1. Муж; 2. Жена;
3. Дети.
 16. На каком языке говорят обычно дома: 1. Все члены семьи на одном?
2. Разные члены семьи используют разные языки — какие именно?
 17. Знание других языков: 1. До отъезда из России; 2. В наст. время (желательно указать: понимаю, могу объясниться ...).
 18. На каком языке предпочитаете: 1. Читать; 2. Писать.
 19. На каких языках можете говорить (желательно расположить эти языки от основного к наиболее слабому).
- а) Место записи (страна, город ...; ситуация: например, дома, в университете ...)
- б) Дата записи
- в) Кто вел запись?
- г) Участники беседы (если их несколько).

Уточнение некоторых понятий

Предлагаю разграничение некоторых понятий, важных для изучения языковой компетенции эмигрантов.

Первый язык. Тот язык, на котором ребенок **начинает** говорить; как правило, это бывает язык матери, но не обязательно. Обычно на этом языке ребенок учится **считать** и продолжает считать в течение всей жизни.

Материнский язык. Он может отличаться от отцовского, ибо в эмигрантских семьях нередко языки матери и отца не совпадают, и ребенок с каждым из родителей говорит на его языке.

Домашний язык. Тот язык, на котором говорят дома. Нередко в эмигрантских семьях имеется не один домашний язык, а два или более.

Основной язык. Необходимо использовать еще одно понятие: главный или основной язык (= лучший язык). По каким критериям его выделять? Принято считать, что на нем человек думает. Но многоязычные люди нередко думают на разных языках в зависимости от темы, ситуации, собеседника и даже местонахождения. Так, одна эмигрантка второго поколения первой волны, живущая в США, рассказывала мне: «Я замечаю, что я начинаю думать по-французски уже в самолете, когда лечу во Францию». Таким образом, этот критерий не годится. Не годится и критерий «человек считает на этом языке», так как опрос показывает, что считают обыкновенно на первом языке или на языке, на котором человек научился считать. Очевидно, важен иной критерий: этот язык используется в устной и письменной формах и во всей широте функциональных и стилистических регистров, то есть не только как устный домашний язык. Отмечу, что именно в функции домашнего языка используют русский многие потомки эмигрантов разных волн, получившие образование вне России и не на русском языке (см. подробнее ниже).

Родной язык. Это понятие обычно получает такое определение: «язык, на котором говорят с раннего детства, перенимая его от родителей, или родных» (Сл. Уш.). Понятие «родной язык» часто совпадает с понятием «материнский язык», но тогда термин «родной язык» играет роль ненужного и не вполне точного дублета. Родной язык не всегда бывает один (если родители говорят на разных языках), не всегда бывает первым (если ребенок усваивает речь не от родителей, а от лица/лиц другой национальности, например, няни, гувернантки, кото-

рые за ним ухаживают в раннем детстве), он не всегда бывает основным, если человек живет в стране, язык которой не совпадает с его родным, если он получает образование не на родном языке, что широко распространено в эмигрантской среде. Поэтому далеко не у всех эмигрантов, у которых русский язык является родным, он основной.

Отмечу сразу же, что позицию основного или, как его иногда называют, доминирующего языка, помогают получить семь факторов: 1) цель и причины эмиграции, 2) образование говорящего, 3) язык родителей, 4) язык страны длительного проживания или страны, в которой прошло детство, 5) язык, на котором проходило школьное и/или университетское обучение, 6) профессия, связанная с использованием данного языка, 7) личность говорящего (см. об этих факторах подробнее ниже).

ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ

Принято различать четыре волны эмиграции: 1-я — после революции 1917 г.¹, 2-я — связанная со Второй мировой войной, 3-я — в 70-е годы, когда был разрешен выезд из СССР евреям и диссидентам, а также происходила высылка диссидентов, 4-я — с конца 80-х годов, т. е. в период перестройки и постперестройки. О волнах эмиграции см., например: (Эндрюс 1997, 18—19).

Кратко охарактеризую эти четыре волны, обращая особое внимание на первую и четвертую, так как они различаются наиболее существенно. Подчеркну, что я стремилась выявить наиболее типические, частотные особенности этих волн. Очевидно, что среди представителей одной и той же волны имеются лица, резко различающиеся по одному или даже многим признакам.

Моя характеристика своеобразия разных волн эмиграции основывается на моих материалах и наблюдениях, а также на сведениях, почерпнутых из литературы. Я не проводила никаких подсчетов и статистического исследования. Тому есть веская причина. Русская диаспора обширна и многообразна, расселена по разным странам и континентам. Подсчеты (для того чтобы их можно было считать показательными) должны были бы основываться на таком колоссальном материале, собрать и обработать который под силу лишь большому коллективу за длительный срок. Статистическая же обработка не столь значительного массива данных, по моему глубокому убеждению, не дает достоверных результатов.

¹ Старой эмиграцией в США принят иной счет. Первой волной называют людей, покинувших Россию до революции 1917 г., а эмиграцию послереволюционную считают второй волной.

Первая волна

Я всю жизнь мечтала—Россия! Россия!
Россия! Россия! Россия!...

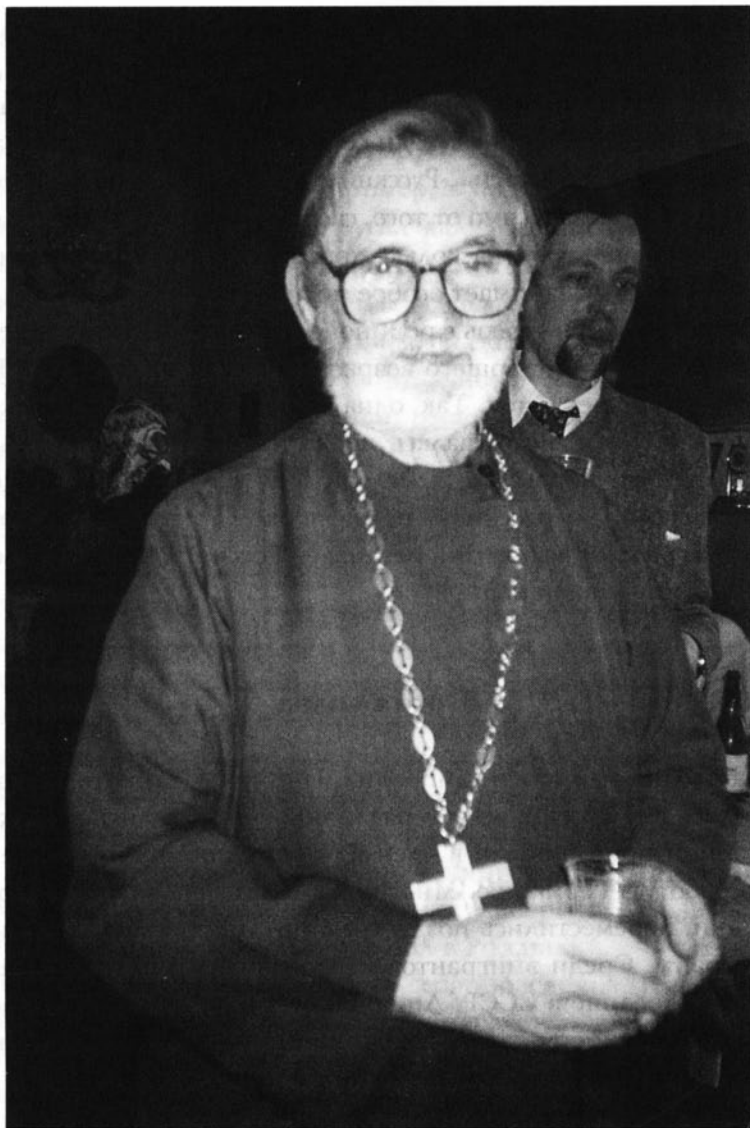
Елена Волконская

К первой волне эмиграции относят лиц, бежавших из России после революции 1917 г. В конце 90-х годов не осталось в живых почти никого из лиц, уехавших в начале 20-х годов. Живут в эмиграции их потомки—дети, внуки и правнуки. Иными словами: первая волна эмиграции может быть представлена людьми четырех поколений. В моих материалах имеются данные обо всех четырех поколениях первой волны.

Значительная часть эмигрантов первой волны и их потомков—люди высокообразованные. Их объединяет целый ряд особенностей речи, психологии и отношения к России. Их родители—русские аристократы (родовитые дворяне, князья) или высокообразованные люди других сословий, преданные России, стремящиеся сохранить свою «русскость». Им свойственно **многоязычие**, которое, с одной стороны, способствует их умению легко переключаться с одного языка на другой, а не строить макаронический дискурс, с другой стороны, обуславливает определенные особенности их русской речи в области лексики, грамматики и фонетики.

Потомки эмигрантов первой волны, как правило, в детстве дома говорили по-русски со всеми членами семьи (или, во всяком случае, с матерью и бабушкой). Этим людям свойственно достаточно хорошее владение русским языком. Они могут подолгу, свободно, на разные темы говорить по-русски, не воспроизводя выученные тексты, но порождая их. Русский язык у них не выученный, а естественный, приобретенный дома. Его отличает богатство лексики, а также наличие некоторых особенностей, присущих литературному разговорному языку. Они посещают православную церковь, в которой богослужение ведется на церковнославянском языке. Обычно они читают по-русски, но пишут далеко не все (см. об этом подробнее ниже).

Некоторые лица допускают отклонения от законов русского языка в области лексики, грамматики или фонетики. У большинства этих людей русский—один из языков двуязычия или многоязычия, причем у разных лиц русский язык занимает разное место.

о. Михаил Осоргин, настоятель православной церкви в Риме.

Рим, 1998

Знание нескольких языков—характернейшая черта эмигрантов первой волны. Она объясняется происхождением и воспитанием (их с детства учили нескольким языкам—няни, гувернантки и гувернеры), а также особенностями их жизни. Многим из них пришлось жить после бегства из России в разных странах.

Старую эмиграцию объединяет одна общая черта — эти люди бежали из России (спасая свою жизнь и жизнь своих детей) на время, на короткий срок. Долго жили на чемоданах. Они свято верили, что вернутся в Россию. Недаром они называли себя беженцами, а не эмигрантами. Они хранили свою «русскость». Русский язык был важнейшим элементом этой «русскости». Независимо от того, сколько языков они знают, в каких ситуациях их используют, насколько хорошо они владеют русским, в их жизни русский язык занимает особое место. Это — родной язык. Это — семейные корни. Это — связь с родиной, ее культурой и историей.

Большая часть лиц старшего возраста никогда не бывала в России, но мечта о ней живет в них. Так, одна из рода князей Волконских, родившаяся в Италии, не решалась поехать в Россию — боялась! (отец матери был убит, первый муж матери был убит...). Она владеет четырьмя языками, но русский — не на первом месте. И, несмотря на это, она говорит: «Я всю жизнь мечтала — Россия! Россия! Россия! Россия!... Пушкин — такой родной!».

Вторая волна

Вторая волна наименее однородна. Причины, по которым эти люди оказались вне России, весьма различны — находились на оккупированной территории, попали в плен или окружение, были ранены, угнаны на работу в Германию. Многие из них, начав жизнь вне родины в Германии, переместились позднее в США, Австралию, Австрию или другие страны. Среди эмигрантов второй волны много людей, получивших образование в СССР. Лица, получившие высшее образование в СССР, в большинстве своем сохраняют хороший русский язык, дорожат им. Мне довелось познакомиться с несколькими такими семьями второй волны эмиграции.

Вот краткая история одной семьи, живущей в Лос-Анджелесе. Муж (СН) — сын священника. В СССР получил высшее образование, инженер. Во время войны оказался в Германии. В Гейдельберге получил второе образование. В 1949 г. переехал в США, поступил в Калифорнии учиться в университет UCLA. Получил третье образование.

Путь жены (ЕН) в США иной: Югославия — Германия — Венгрия — США. Тоже училась в UCLA. Там они и познакомились, а позднее — поженились.

Оба православные, в церкви посещают богослужение на церковно-славянском, а не на английском языке. Оба сохранили превосходный русский язык (живут в США — 50 лет!).

В их речи я не отметила черт разрушения языка. Английские слова употребляют очень редко — например, в названиях болезней. Сетуют на порчу русского языка. СН ругал калифорнийскую газету «Факт»: «Портят русский язык // Зачем употреблять *дайджест*?»². Очень следят за своим русским языком. ЕН заметила: «Мы вставляем английские слова // — В каких же случаях? — Да вот я сказала / *Darling!*».

В речи СН встретилось одно неузальное русское слово, которое он произвел по продуктивной модели: *Это обдувательство людей* // (вм. *надувательство*).

Меня ЕН называла уменьшительным именем *Леночка*. Говоря друг о друге с чужими, именуют друг друга по имени и отчеству.

Ярко показывает отношение супругов к русскому языку то, как они воспитали своего сына. Они усыновили трехнедельного мальчика-американца. Я познакомилась с ним в 1999 г., когда ему было 33 года. Наше знакомство началось так. Он позвонил по телефону и спросил: — *Мне нужно профессора / Елену // Я не знаю как дальше // — Это я // — Это Ник //*. Замечу, что в разговорах со мной родители называли сына *Николай*.

Ник по моей просьбе пришел ко мне. Он очень общителен и доброжелателен, охотно рассказывал о себе. Первый язык у него — русский. Ходил в русскую школу. Дома говорил по-русски, с родителями и с бабушками и дедушками. Кончил тот же университет UCLA (по истории), что и родители. Три года работал в России.

По внешнему виду, манере вести себя, поведению Ник — американец. Сам Ник говорит: *Никто никогда (никогда) не верит что я русский*. Однако русский язык у него очень хороший, лучше, чем у многих русских, живущих в США 20—30 лет.

Основное, что отличает речь Ника от речи русских в фонетике — тип аканья. В первом предударном слоге — редуцированный **ъ**: *пѣтом* (потом), *Кѣфкас* (Кавказ), *тѣк што* (так что), т. е. строение слога *тѣтá*.

В произношении согласных можно отметить мягкость звука **ш** (*наш'и*). В некоторых случаях заметно влияние английской интона-

² При передаче устной речи на письме используются такие знаки интонационного членения: интонация законченности //, интонация незаконченности /. Знаки ? и ! — в их обычной функции.

ции. Произносит, как и полагается в русском разговорном языке, *што*, *никада* (никогда), *сюда* с твердым начальным звуком.

Сочетание *жж* произносит по «молодой норме» как твердое: *переезжает*. Один раз он неверно образовал словоформу род. падежа множ. числа (*фермов* — *вм. ферм*). Один раз произвел неузвальную глагольную форму по продуктивной модели: *Можете меня проэкзаминировать*, вместо: *проэкзаменовать*.

У Ника богатый запас слов. В тех редких случаях, когда Ник затрудняется в поисках русского слова, он не вставляет сразу английское, а спрашивает или сам подыскивает слово: *У меня fiancée русская* / (поправляясь, с сомнением) *невеста?*; (рассказывает о своей фирме) *Там больше половины / как сказать? Работников?* — *Сотрудников* //.

В речи встречаются элементы книжной лексики, типа выражения *в том плане, что ...*: *Она не ограничена в том плане (што...)*; *Я ее выбрал по таким факторам...*

Скорее всего, наличие подобных выражений объясняется работой Ника в фирме в России. В речи эмигрантов первой волны книжно-канцелярские элементы мне не встречались.

Несомненно, что русский язык Ника укрепила работа в России и общение с русской невестой. Он говорит: *Она очень много мне дала* // *Она Герцена закончила / языковой институт* // *Она переезжает сюда летом* //.

Обращает на себя внимание чисто разговорная номинация — *Герцена закончила* (ср. полное название: *Пединститут имени Герцена*).

На мой вопрос, на каком языке он говорит с родителями, отвечает: «С родителями в основном по-русски». И добавляет, что язык зависит от темы. По-английски: «Наши дела совместные, банковские счета финансовые. Нет аналога в России».

Насколько типична эта семья для эмиграции второй волны? Я думаю, что она представляет собой лучший образец сохранения русского языка. Иными словами: эта семья типична для определенного слоя эмигрантов, сохранивших любовь и интерес к России и всему русскому. Сохранению русского языка в этой семье благоприятствуют многие факторы. СН и ЕН покинули СССР взрослыми, получив хорошее образование на русском языке. Старшее поколение жило вместе с детьми. Отец СН — священник. Русская церковь дает семье обширный круг знакомых, регулярное общение на русском языке. Любовь к России, интерес к ее жизни во всех аспектах (политика, экономика, культура) поддерживается чтением русских книг и газет.

Научное издание

ЯЗЫК РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Общие процессы и речевые портреты

Издатели:

А. Кошелев («Языки славянской культуры»)

T. Reuther (Wiener Slawistischer Almanach, Linguistische Reihe)

Художественное оформление обложки

Наталии Прокуратовой и Сергея Жигалкина

Корректор Г. Амелин

Подписано в печать 10.06.2001. Формат 70×100¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Баскервилл.

Усл. печ. л. 31. Заказ № 1438. Тираж 2500 экз.

Издательство «Языки славянской культуры».

129345, г. Москва, ул. Оборонная, 6-105; № 02745 от 04.10.2000.

Тел. 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. M153).

E-mail: mik@sch-Lrc.msk.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ

<http://www.lrc-mik.narod.ru>

EIGENTÜMER UND VERLEGER

Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien (Wien)

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП ордена «Знак Почета»

Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова.

214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Zubovskiy b-r, 17, стр. 3, к. 6.

(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication

by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru

or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).